

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Светлая ночь
(Петербургские очерки #14)

«Заграничный поѣздъ, вопреки своему названію «ско-
раго», медленно тащился изъ Вержболова къ Вильнѣ.
Была страстная суббота. Вагоны пустовали; даже во
второмъ классѣ не замѣчалось обычной тѣсноты. Ко-
му охота провести эту ночь въ дорогѣ, и пріѣхать на
мѣсто въ первый день праздника?..»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Свѣтлая ночь**

Заграничный поѣздъ, вопреки своему названію «скараго», медленно тащился изъ Вержболова къ Вильнѣ. Была страстная суббота. Вагоны пустовали; даже во второмъ классѣ не замѣчалось обычной тѣсноты. Кому охота провести эту ночь въ дорогѣ, и пріѣхать на мѣсто въ первый день праздника?

Въ одномъ изъ отдѣленій общаго вагона перваго класса сидѣла только одна дама, Марья Николаевна Ловацкая, лѣтъ двадцати восьми, средняго роста, съ чертами нѣсколько увядшей, но еще симпатичной красоты. Она была одѣта въ сѣрое дорожное платье и разстегнутый жакетъ. Снятая съ головы маленькая шляпка лежала передъ ней на столикѣ, подлѣ желтенькой книжки, которую она уже не могла читать, потому что сумерки сгустились, а стеариновый огарокъ въ фонарѣ давалъ слишкомъ мало свѣту.

Она скучала. Смотрѣть въ окно было не на что. Унылыя, покрытыя кое-гдѣ снѣгомъ поля, жалкія деревушки, запусѣлыя станціи съ какими-то странными названными: Вилковишки, Пильвишки, Милинишки – все это не возбуждало любопытства и не представляло

разнообразія для глазъ.

А на душѣ у нея тоже было смутно и тускло. Она возвращалась изъ Болѣе, подлѣ Ниццы, куда ее послали на два мѣсяца доктора, потому что къ концу петербургской зимы она себя дурно чувствовала. Она жила тамъ у замужней сестры, и теперь спѣшила въ Петербургъ, къ матери, у которой оставался ея восьмилѣтній сынъ, Боря. На этомъ ребенкѣ сосредоточивались всѣ симпатіи ея сердца и всѣ интересы ея разбитой жизни. Она хотѣла выѣхать нѣсколькими днями раньше, но какіе-то пустяки задержали ее, и ей предстояло провести ночь подѣ Свѣтлое воскресенье въ вагонѣ, словно безпріютной скиталицѣ. Но за то завтра, въ первый день праздника, она прижметъ Борю къ своему истосковавшемуся сердцу. Это одно только радовало ее, и вмѣстѣ тревожно волновало: она уже привыкла недовѣрчиво относиться ко всякой радости, и всякое ожиданіе до боли напрягало ея усталые нервы.

Когда за окнами вагона совсѣмъ стемнѣло, чувство одиночества еще сильнѣе сдавило ее. Воображеніе уносило въ Петербургъ, и да-

же та обстановка, въ которой она жила у матери, среди невысказаннаго, но взаимно чувствуемаго недовольства другъ другомъ, казалась ей въ сто разъ милѣе этого тоскливаго, давящаго одиночества въ медленно плетущемся поѣздѣ...

Надо было попробовать заснуть. Марья Николаевна развернула пледъ, улеглась на диванѣ накрыла себя всю до половины головы, и зажмурила глаза. Но сонъ не являлся. А вмѣсто того, мозгъ ея какъ будто еще усиленнѣе работалъ, и тревожныя, неотвязчивыя воспоминанія, полныя укоризны и еще не притупившагося раздраженія, медленной чередой двигались передъ ея закрытыми глазами.

Пять лѣтъ назадъ у нея произошелъ разрывъ съ мужемъ. Она даже сейчасъ не могла бы сказать, почему именно такъ случилось. Причинъ было много, но на разстояніи пяти лѣтъ каждая изъ нихъ порознь представлялась очень маловажною. Ни онъ, ни она, не обманывали другъ друга. Но у обоихъ было много мнительной подозрительности и тяжелаго, вѣчно самообороняющагося

самолюбія. Вся драма, разбившая ея жизнь, разыгралась именно на почвѣ этого самолюбія. Онъ не хотѣлъ уступить, потому что его мнительность требовала все новыхъ и новыхъ доказательствъ ея любви; она не уступила потому, что по ея мнѣнію, укорененному глупымъ воспитаніемъ и глупой избалованностью, женщина не должна уступать мужчинѣ.

За двѣ станціи до Вильны, она наконецъ начала дремать. Въ Вильнѣ она уже сквозь сонъ чувствовала, какъ по ея тѣлу пробѣжалъ холодокъ отъ раскрытой двери, слышала чьи-то голоса, возню съ ручнымъ багажемъ. Но отъ почувствованнаго холода она крѣпче заснула, и проспала часовъ пять кряду.

Когда она наконецъ раскрыла глаза, вагонъ былъ залитъ яркимъ свѣтомъ только что вставшаго солнца. Это ее несказанно обрадовало. «Можетъ быть и въ Петербургѣ сегодня солнечная погода», подумала она. А до Петербурга всего нѣсколько часовъ!

Она провела рукой по лицу, спустила пледъ, приподнялась на локтѣ – и вдругъ глаза ея широко, почти испуганно раскрылись,

остановившись на сидѣвшемъ передъ ней, въ другомъ концѣ отдѣленія, мужчинѣ.

Это былъ ея мужъ.

Онъ, очевидно, давно уже смотрѣлъ на нее, и на лицѣ его не было ни испуга, ни изумленія, а только легкое смущеніе. Когда ихъ глаза встрѣтились, это смущеніе замѣтно усилилось. Онъ не потупился, но глаза его глядѣли нерѣшительно, и какъ будто съ примѣсью досады. Но затѣмъ онъ поднялъ руку и молча снялъ шляпу.

Марья Николаевна сначала поблѣднѣла, потомъ краска густо залила ея лицо.

— Вы не могли сѣсть въ другой вагонъ? Вы не могли убѣжать отсюда, когда увидали меня? — бросила она ему вызывающимъ тономъ.

— Я только сейчасъ увидѣлъ васъ, — отвѣтилъ онъ; — а бѣгать отъ васъ я не имѣю причины, потому что ничѣмъ не виноватъ передъ вами.

Марья Николаевна передернула плечами и отвернулась къ окну. Она была тягостно взволнована, почти зла. Злила ее не только самая встрѣча, но еще болѣе ея неожиданность, ея обстановка. Ей придется просидѣть

съ нимъ такимъ образомъ длинный рядъ часовъ, вѣроятно до самаго Петербурга. Какое глупое положеніе!

– Вы въ Петербургъ? – рѣзко обернулась она къ нему.

– Да, въ Петербургъ.

Она еще рѣзче отвернулась, передернувъ не только плечами, а всѣмъ корпусомъ. Ей пришло въ голову посмотреть, нельзя-ли пересѣсть въ другое отдѣленіе, но потомъ она подумала, что это будетъ походить на то, какъ будто она испугалась его.

Прошло около получаса въ угрюмомъ молчаніи съ обѣихъ сторонъ. Потомъ онъ досталъ папирску и спросилъ вѣжливымъ тономъ:

– Я не обезпокою васъ? Сколько могу припомнить, раньше вы всегда разрѣшали мнѣ.

Она опять разозлилась, и больше всего на этотъ вѣжливый тонъ. вмѣсто того чтобъ отвѣтить въ томъ же тонѣ, она рѣзко проговорила:

– Вы могли-бы не давать себѣ труда припоминать, что было раньше.

– Въ настоящемъ случаѣ это не составило

для меня труда, — отозвался онъ, и по губамъ его скользнула снисходительная улыбка.

Онъ сталъ курить. Она могла-бы читать, но — странное дѣло — какъ-то не вспомнила объ этомъ.

Понемногу, она уже привыкла къ своему положенію. Обстановка неожиданной встрѣчи начинала даже интересовать ее. Гдѣ-то, въ тайникѣ ея женскихъ инстинктовъ, шевелилось любопытство. Улучивъ минуту, когда онъ смотрѣлъ въ сторону, она быстро, исподтишка оглянула его.

Онъ мало постарѣлъ и перемѣнился въ эти пять лѣтъ. Только лицо его сильно загорѣло, какъ будто даже огрубѣло, и на немъ легъ отпечатокъ грусти, напоминавшій о перенесенныхъ разочарованіяхъ, можетъ быть даже страданіяхъ. Марья Николаевна почему-то была довольна, подмѣтивъ это новое выраженіе на его лицѣ. Хотя она давно рѣшила, что все и навсегда кончено между нею и мужемъ, но въ эту минуту она сознавала, что ей было бы неприятно встрѣтить его помолодѣвшимъ, поздоровѣвшимъ, довольнымъ.

Она опять отвернулась и стала смотрѣть въ окно. Тогда онъ, въ свою очередь, остановилъ на ней долгій, внимательный взглядъ. Его глаза тоже искали чего-то новаго въ чертахъ ея лица. Она, не оборачиваясь, чувствовала этотъ устремленный на нее, изучающій взглядъ, и ей дѣлалось неловко, но уже не досада, а какая-то печаль вторгалась къ ней, и давила возрастающею тяжестью.

– Марья Николаевна, – вдругъ окликнулъ онъ ее.

Она чуть-чуть повернулась къ нему одной головой.

– Могу я просить васъ сказать мнѣ что-нибудь о нашемъ сынѣ? Вѣдь я пожертвовалъ имъ, уважая ваше материнское чувство. Пять лѣтъ я не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій, и видитъ Богъ, какъ мнѣ было тяжело... – проговорилъ онъ тономъ, въ которомъ слышались и печаль, и смиреніе, и даже робость.

«Вотъ, если-бъ онъ раньше, всегда такъ говорилъ со мной»... пронеслось въ головѣ Марьи Николаевны.

– Боря растетъ, изъ него вышелъ славный мальчикъ... – отвѣтила она.

Чувство материнскаго хвастовства сразу овладѣло ею. Ей захотѣлось показать ему карточку ребенка, которую она всегда возила съ собою. Она достала ее изъ сумочки и протянула ему.

– Вотъ, взгляните.

Ловацкій всталъ, взялъ карточку и долго смотрѣлъ на нее.

– Вы счастливѣе меня, вы черезъ нѣсколько часовъ прижмете его къ сердцу, расцѣлуете его... – сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. Для васъ сегодня дѣйствительно свѣтлый праздникъ. Но я буду счастливъ и тѣмъ, что видѣлъ его портретъ. Теперь онъ какъ живой будетъ стоять у меня въ глазахъ.

Въ разсѣянности, Ловацкій сѣлъ не на прежнее мѣсто, а рядомъ съ женою.

– Не хворалъ онъ въ эти пять лѣтъ? Учился онъ чемунибудь? – продолжалъ онъ спрашивать.

Марья Николаевна, повинувшись тому-же материнскому инстинкту, стала рассказывать. Ее удивляло, что она можетъ такъ спокойно, даже съ удовольствіемъ, говорить съ человѣкомъ, который «разбилъ ея жизнь»

(она все-таки была увѣрена въ этомъ); но вѣдь она говорила о своемъ Борѣ!

– Да, вы счастливѣе меня, – проговорилъ съ глубокимъ вздохомъ Ловацкій, и лицо его какъ будто больше осунулось, и самъ онъ какъ-то сторбился, точно почувствовалъ на себѣ прибавившуюся тяжесть.

Она бокомъ взглянула на него, и что-то похожее на жалость прокралось ей въ сердце. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь этотъ человекъ могъ не уступить ей своего сына; въ этомъ случаѣ онъ пожертвовалъ собою.

– Вы ѣдете изъ Вильны? – спросила она.

– Изъ за Вильны. Я жилъ въ имѣніи, хозяйничалъ... теперь ѣду въ Петербургъ, рассчитываю получить мѣсто, – отвѣтилъ онъ.

– Хозяйство не удалось?

– Напротивъ, оно пошло недурно; но я замѣтилъ, что начинаю тосковать, а это ужъ совсѣмъ не годится. И притомъ, въ Петербургъ меня тянуло потому, что тамъ я буду ближе къ... къ нашему ребенку.

Марья Николаевна промолчала. Ей хотѣлось задать одинъ вопросъ, но она сознавала, что это будетъ страшною безтактно-

стью съ ея стороны. И тѣмъ не менѣе, она рѣшилась.

– Развѣ... никакая другая привязанность не помогала вамъ разсѣять вашу тоску? – бросила она ему, чувствуя, что краснѣетъ.

– Нѣтъ, ничего подобнаго не было, – отвѣтилъ онъ просто.

– Вы также устали сердцемъ, какъ я? – продолжала она, и позволила себѣ улыбнуться.

– Какъ вы? – переспросилъ онъ. – Не знаю. О васъ я ничего не знаю.

– Обо мнѣ нечего знать. Я няньчусь съ Борей, немножко хвораю, вотъ и все, – сказала она.

И опять настало молчаніе.

Вошелъ кондукторъ, отобралъ билеты и поздравилъ съ праздникомъ. Когда онъ вышелъ, Ловацкій нерѣшительно повернулся всѣмъ корпусомъ къ женѣ.

– Марья Николаевна, вы не думаете, что только простой случай свелъ насъ именно въ этотъ день? – сказалъ онъ задрожавшимъ, какъ перетянутая струна, голосомъ.

Она не отвѣтила. Тяжесть, лежавшая у нея на сердцѣ, давила все сильнѣе, но было что-то

сладкое въ этой боли.

– Подарите мнѣ фотографію Бори, – перемѣнилъ онъ разговоръ. Она молча, не глядя на него, протянула ему карточку.

– О, какъ вы добры! – сказалъ онъ стремительно.

У нея на рѣсницахъ вдругъ округлились слезы. Она быстро смахнула ихъ носовымъ платкомъ и повернулась къ мужу.

– Если вы будете жить въ Петербургъ, я... то-есть это было бы глупо, еслибъ вы никогда не видѣли вашего сына. Вы можете когда-нибудь зайти... когда меня не будетъ дома... Я предупрежу тамап.

– Вы разрѣшаете? Какъ я буду счастливъ! Какъ я отъ всей души благодарю васъ! – воскликнулъ онъ.

Поѣздъ подошелъ подъ крышу дебаркадера. Въ вагонѣ сдѣлалось темнѣе. Ловацкій наклонился къ женѣ.

– Если вы ужъ рѣшили, если позволяете... будьте великодушны до конца, сдѣлайте меня счастливымъ именно сегодня. Разрѣшите сейчасъ-же поѣхать съ вами вмѣстѣ. Я не помѣшаю вашему счастью, а только раздѣлю

его въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, – проговорилъ онъ съ усиливавшейся дрожью въ голосъ.

Марья Николаевна пожала плечами, не соглашаясь и не отказывая.

Ловацкій и не добивался прямого отвѣта. Онъ принялся распоряжаться, получилъ багажъ, выбралъ карету.

Когда подъ ними раздался грохотъ мостовой, онъ повернулъ къ женѣ лицо, освѣтившееся разгорающеюся радостью.

– А вѣдь я вамъ еще не сказалъ «Христосъ воскрес!» – произнесъ онъ.

Она дала обычный отвѣтъ, и оба посмотрѣли другъ на друга въ нерѣшительности. Потомъ онъ тихо наклонился къ ней и три раза поцѣловалъ ее. Она отдала ему поцѣлуи, краснѣя, досадуя, пугаясь и разгораясь приливомъ торжествующаго, властнаго чувства...

– Значить, вы вѣрите, что не простой случай свелъ насъ сегодня? – повторилъ онъ свой прежній вопросъ.

– Вѣрю... – тихо отвѣтила она, отдавая ему свою руку.